

КОНКУРСЫ ДЛЯ СТУДЕНТОВ
И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
МОСКОВСКОГО ИНСТИТУТА
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ
ПРОГРАММ

**РАБОТЫ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ
2013 ГОДА:**
ЛУЧШИЕ ЭССЕ
И ПРОЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ

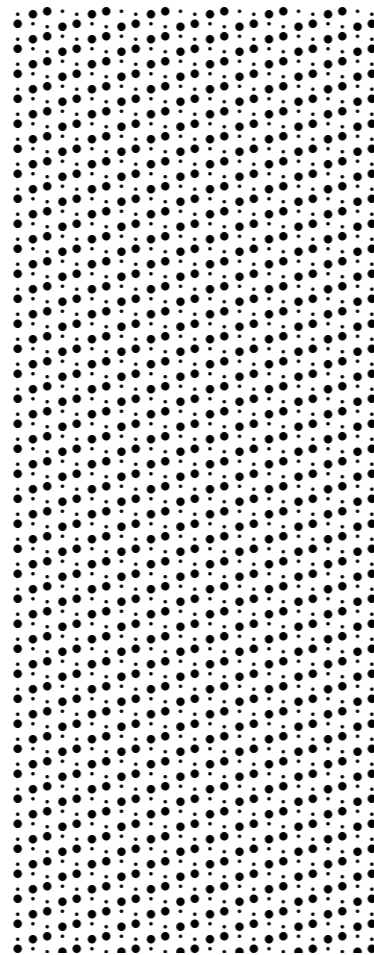
КОНКУРСЫ ДЛЯ СТУДЕНТОВ
И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
МОСКОВСКОГО ИНСТИТУТА
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ
ПРОГРАММ

**РАБОТЫ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ
2013 ГОДА:**
ЛУЧШИЕ ЭССЕ
И ПРОЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ

МИСКП
2014

Анастасия Мокроусова, Константин Глазков

Пространственно-сетевой подход к изучению потенциальных городских сообществ

I. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ОБЗОР ДИСКУССИЙ

Общие проблемы и ограничения в изучении сообществ

В урбанистическом дискурсе среди проблем больших городов часто отмечают отсутствие низовой интеграции населения. Исследовательский вопрос имеет глубокие корни и рассматривался в ставших уже классическими текстах Г. Зиммеля и Л. Вирта. Так, Георг Зиммель замечает, что «нет, быть может, другого такого явления душевной жизни, которое было бы так безусловно свойственно большому городу, как бесчувственное равнодушие», а также что «физическая близость и скученность только подчеркивают духовную отдаленность» [Зиммель, 2002: 27, 30]. С ним соглашается и Льюис Вирт, отмечая, что в городе при явной тесноте физических контактов контакты социальные дистантны, что порождает одиночество и фрустрации, а включенность в слишком большое количество групп не позволяет человеку посвятить себя более глубоко жизни какой-то одной группы [Вирт, 2005: 93–118]. Сообществ, понимаемых как реальные группы (сплоченные и действующие), достаточно мало в сравнении со специфически сплоченными и эпизодически действующими, и особенно редко они формируются по территориальному признаку. Существу-

ет множество концепций и определений сообщества, а также методов, которые на данный момент, однако, уже достаточно слабо «улавливают» современные их формы [см., например, JENKS, DEMPSEY, 2007: 153–177; GALLEN, 2007: 97–106]. В этой связи появляется необходимость как в теоретической проработке понятия «сообщества», так и в поиске новых (или же позаимствованных из смежных для городских исследований дисциплин) методов, способных выявлять неочевидные связи. На наш взгляд, уместно даже такое словосочетание, как «потенциальные сообщества», особенно если эти сообщества выделяются с точки зрения исследователя по неким важным для него основаниям. При этом члены сообщества совсем необязательно ощущают свою причастность к нему (например, до определенного времени, пока не произойдут события, способные заставить этих людей осознать свои общие интересы).

Города сильно изменились за последние десятилетия. Рост плотности и скорости коммуникаций в области передачи информации и транспорта повлиял на облик современных больших городов. Увеличение мобильности иногда связывают с потерей территориальной принадлежности (идентичности), но это не всегда так. Например, исследование шведского ученого П. Густафсона показывает, что территориальная принадлежность никуда не исчезает — она лишь приобретает другие формы и масшта-

бы. По словам исследователя, человек чувствует принадлежность к более широкой территории, чем раньше, иногда не теряя при этом и чувства принадлежности своему району (соседству) [GUSTAFSON, 2009: 490–508].

Если исходить из того, что «на ранней стадии развития “community studies” сообщество мыслится как функция от индивидов и территории» [Вахштайн, 2011: 76], в современных исследованиях нам придется либо принять такой подход, либо выбрать альтернативный, например связанный с объединением сообществ через сети коммуникации, либо постараться балансировать между этими подходами, допуская, что оба они могут быть применены для объяснения современных городских сообществ. В нашем проекте мы остановимся на последнем варианте и постараемся сохранить баланс между условным «территориальным» и «сетевым» подходами. Ведь, изучая пространство, необходимо различать пространство, в том числе, как тему коммуникации наблюдателей [Филиппов, 2008: 120]. В этом случае мы, с одной стороны, анализируем коммуникацию людей, их высказанное отношение к определенным объектам, то есть смотрим на сообщество с точки зрения « сетевого » подхода, а с другой стороны, анализируем связь тех территорий, на которых проживают респонденты, и территорий, которые они используют в повседневных практиках, то есть основываем свои рассуждения, скорее, на «территориальном» подходе.

Каждый из подходов в отдельности имеет свои ограничения; так, если в построении сообщества преобладает территориальный признак, то, вероятно, такие сообщества обретают достаточно жесткие границы, что приводит к различным видам сегрегации в больших городах. В частности, Д. Торнс приводит следующий пример построения городских сообществ. «Построение соседских связей может быть выполнено несколькими способами. Первый заключается в использовании ограничивающих договоров и исключаящих практик зонирования. Такие ограничения создаются для того, чтобы не пускать людей, которые не соответствуют местному образу. Эти договоры могут предусматривать такие вещи, как минимальная площадь помещения, минимальная цена дома, который можно построить на данном месте, типы материалов и пр. Подобные ограничения обычно используются более высокими социально-экономическими группами и формируют часть их “стратегии сближения”; чтобы обеспечить это, поддерживаются цены на собственность, близость, этничность, гендер и родство» [THORNS, 2002: 112]. В исследовании Мэтью Кармоны (MATTHEW CARMONA) рассматривается аналогичный пример, но на более локальном уровне: «это может быть явлено, например, в виде входной платы, привязанной к серии кодифицированных правил и инструкций, часто указанных на билете. Множество внутренних публичных пространств — музеев, метро и т. д. — ис-

пользуют данную стратегию. Более тонкая тактика подразумевает установление визуальных сигналов, которые сообщают, что приветствуются только платежеспособные, а те, кто не входит в данную категорию, будут восприняты с подозрением или даже задержаны. Вошедшие должны заявить о своем праве на вход особыми наборами визуальных сигналов, в частности одеждой. Яркий пример — эксклюзивные торговые пассажи: с виду они открыты для всех, а на деле лишь для тех, кто способен покупать» [CARMONA, 2010: 138].

Сетевой принцип построения может иметь и отрицательные стороны. Так, потеря жителями чувства места, территориальной принадлежности может сказаться и на самих территориях: «ничейная» земля с гораздо большей вероятностью превратится в заброшенную и пустынную, чем земля, которую люди считают «своей».

Для анализа пространства пока нет единого и ясного языка описания, поэтому исследователям приходится на основе многочисленных социологических теорий каждый раз создавать особый способ описания и работы с объектом. Вот почему столь важно изучать основные существующие разработки в этой области и с осторожностью сочетать их в новых исследованиях. Так, например, согласно Дюркгейму, представления о пространстве порождаются самой группой, причем они для нее есть нечто самоочевидное. Категориальный аппарат Зиммеля дает возможность

изучать взаимодействие людей в пространстве, а также сделать важные замечания о соотношении единства пространства и единства группы. У Парсонса мы находим анализ связи социальных ролей, пространства (так, коллектив, чтобы сохранять свое существование, должен разделять общую территорию взаимодействия) и норм [Филиппов, 1995: 421–476].

Идентичность имеет тесную связь с пространством: «пространство продолжает быть значительной частью того, как люди организуют и осмысливают свою жизнь, и позволяет им идентифицировать себя с тем, кем они хотят себя видеть» [Линч, 1982: 98]. Как пишет Кевин Линч, «людям приятно “знать” большой город, его историю, и сильное чувство места поддерживает чувство самотождественности личности» [Линч, 1982: 236].

К. Линч писал, что в городах есть такие места, сохранением которых обеспокоены почти все жители. Именно эти места и «составляют подлинно общественную сферу — те значимые внешние или внутренние пространства, которые очевидным образом доступны широчайшей публике и действительно используются ею: главные улицы, парки и скверы, площади, а также главные вестибюли, платформы метрополитена, большие залы и универмаги» [Линч, 1982: 236]. *Наше исследование будет касаться в основном именно таких мест в городе, значение которых важно для того или иного (потенциального) сообщества.*

Дилемма территориального и сетевого подходов

Связь расстояния между людьми и уровнем их сплоченности подробно проанализировал Георг Зиммель в главе из книги «Социология», «Пространство и пространственные порядки общества». По его мнению, большие расстояния между людьми и невозможность встретиться иногда способствуют укреплению взаимной привязанности, а проживание в непосредственной близости друг от друга вовсе не обязательно побуждает к сплочению. Зиммель как раз приводит в пример большие города, где люди зачастую безразличны именно к своим ближайшим соседям. Такие рассуждения, с одной стороны, говорят против использования территориального подхода для анализа современных городских сообществ; с другой стороны, Г. Зиммель замечает, что слишком дальнее расстояние, которое исключает любую возможность общения и встречи, в итоге тоже снижает сплоченность и привязанность друг к другу. Впрочем, необходимо помнить о том, что в рассуждениях Зиммеля не могли быть учтены новые формы коммуникации в современном мире, позволяющие людям преодолевать значительные расстояния за короткое время и находиться на связи практически вне зависимости от своего местоположения. Однако классик понимал силу грядущих изменений. По словам Франка Лехнера, анализировавшего вопро-

сы социального пространства в творчестве Зиммеля, последний приходит к выводу, что современное общество становится все более «ацентричным», *centreless* (даже находясь на одном месте, можно сейчас наслаждаться преимуществом «виртуальной» мобильности) [LECHNER, 1991: 199] и абстрактным в отношении человека к пространству (у людей все чаще нет необходимости присутствовать в каком-то определенном месте для совершения тех или иных операций, которые раньше требовали физического присутствия) [LECHNER, 1991: 200]. Определенная проблема снижения привязанности к месту проживания все же существует. Люди зачастую проводят в месте жительства, где и должно существовать «соседство», меньше времени, чем в других частях города. Согласно исследованию П. Густафсона, которое уже упоминалось выше, чувство локальной территориальной принадлежности ослабляется, если ежедневный путь (например, от дома до работы) занимает более часа. Сообщество не может нормально выстраиваться в ситуации, когда человек не чувствует к нему привязки.

Вероятно, наличие постоянного доступа в Интернет со временем повлияло на социальные взаимодействия гораздо больше, чем возможность позвонить человеку. Сеть общения, связанная с определенным пространством (например, в случае общения людей, стоящих в пробке) фактически создает новые, хотя и достаточно аморфные,

сообщества. Пространство перестает быть просто физической средой с машинами, пусть и передвигающимся по определенным правилам, но становится местом коммуникации, а значит, наполняется новыми смыслами, образами и знаниями других людей, позволяющими конструировать пространство чуть иначе. Уже существуют карты местности, созданные с использованием разнообразных сетевых ресурсов, где люди могут делиться описаниями, мнениями, комментариями об определенных местах. Таким образом, находясь в той или иной точке, можно увидеть, какие объекты расположены вблизи и стоит ли их посещать. Пространство меняется с появлением каждой новой метки, каждого нового комментария, что так или иначе влияет на привлекательность конкретного места. К тому же пространство, «обживаемое» в разнообразных социальных сетях за счет того, что оно связано со знакомыми вам людьми, становится в вашем восприятии гораздо более дружественным, потому что «до X десять минут езды на машине», а «У недавно был на той же выставке, куда я иду, и ему понравилось» и т. п. Это выстраивает стили общения, планирование и восприятие пространства, отличное от предыдущих форм восприятия и которое уже становится более привычным, «своим». Меняется, вероятно, и его общий образ.

Если обратиться к истории изучения сообществ — в частности, городских, — в рамках социологии и антропологии, то

эти две традиции изучения, по сути, как раз можно сравнивать с интересующими нас территориальным и сетевым подходами. Как пишет М. С. Добрякова, понятие «локального сообщества отражает прежде всего качественные, а не количественные характеристики населенного пункта. <...> Первоначально подобные сообщества являлись объектом исследования антропологов и этнологов, изучавших примитивные общины. Впоследствии и социологи заинтересовались этим методом исследования, но попытались применить его не только к примитивным общинам, но и к своему, то есть современному обществу (точнее, его частям — местным сообществам)» [Добрякова]. В своих рассуждениях М. С. Добрякова понимает под локальным городским сообществом сообщество всего города в целом, в то время как мы, скорее, подразумеваем под городскими сообществами множество различных объединений — как физически расположенных внутри города, так и имеющих гораздо более размытые границы.

К экологической традиции в своем проекте мы относим наше «территориальное» понимание сообщества. Для данного подхода важно было представление города как экологической среды (в духе Чикагской школы), где на определенной территории существуют различные «виды», то есть сообщества. Антропологическая традиция в большей степени связана с «сетевым» пониманием сообщества. В данном случае важны «содержание» сообщества, его

культура, традиции, нормы, то есть то, что формируется в первую очередь за счет коммуникации, создания единого поля общения, символического языка, разделяемого всеми членами сообщества.

Переосмысление территориального и сетевого подходов как взаимодополняющих

Анализируя фрагменты работы Ф. Тенниса «Общность и общество», связанные с городом и пространством, можно выделить следующее. Автор пишет, что «общность крови [Blut], как сущностное единство, развивается и обособляется в общность места [Ort], непосредственно выражающуюся в совместном проживании, а эта последняя, в свою очередь, — в общность духа [Geist], характеризующуюся лишь совместным действием в едином направлении, одинаковой настроенностью. Общность места можно понимать как взаимосвязь животной, а общность духа, в равной мере, — как взаимосвязь ментальной жизни, и потому последнюю в ее связи с предшествующими — как собственно *человеческую* и наивысшую разновидность общности» [Теннис, 2002: 25].

Рассмотрение данного отрывка обращает наше внимание при изучении городских сообществ на такие моменты, как идентификация себя с местом и коллективная память места (мнемотоп, по Яну Ассману). Коллективную идентичность, ве-

роятно, мы можем сравнить с «общностью духа» Тенниса; тогда можно предположить, что ее формирование во многом обусловлено именно совместным проживанием на одной территории, а значит, и сама территория должна накладывать отпечаток на коллективную идентичность. Г. Зиммель говорил, что человек (в особенности это ярко видно на примере чужака) может нести на себе след той территории, на которой он жил раньше, ассоциироваться с ней и с людьми, идентифицирующими себя с ней.

Такие рассуждения, как и приведенные выше тезисы Г. Зиммеля о значимости расстояния между людьми, подтверждают верность «территориального» подхода, однако снова мы должны заметить, что в современном городе все не так однозначно. Ф. Теннис рассматривал общество в его исторической перспективе; города в «Общности и обществе» — это в основном ранние средневековые города (для их обозначения используется термин *Stadt*), а в остальных случаях Теннис употребляет выражение «большие города» — они отличаются от деревни уже не только размерами, но и сущностными характеристиками. Как пишет в этой связи А. Ф. Филиппов, «духовная общность — не рассудочная общность, и город — область дружбы и духовного Gemeinschaft'a — не то же самое, что большой город, воплощение Gesellschaft'a» [Филиппов, 2002: 410].

Вернемся еще раз к рассуждениям Георга Зиммеля. Он выделяет объекты, ор-

ганизованные как по пространственному, так и по непространственному принципу. На наш взгляд, здесь мы можем провести параллель с городскими сообществами и предположить, что они также могут быть организованы как пространственно, так и иным образом. Воспользуемся двумя крайними примерами Зиммеля: рассмотрим государство и церковь, объекты, один из которых организован по пространственному принципу (требующему уникального места), а другой — по непространственному (позволяющему объекту быть безразличным к пространству).

Государство относится к объектам, образуемым по пространственному принципу, как и в примере Зиммеля со средневековыми городскими цехами [ZIMMEL, 2009: 547]: в городе может быть только один кожевенный или ткацкий цех, потому что пространство разделяется ими не количественно, а функционально (много позже Э. Гидденс назовет подобное деление пространства по функциям локалами). Между тем церковь дает нам пример непространственного объекта: в одном городе могут быть возведены культовые постройки разных религиозных течений (если, конечно, законом государства не закреплено иное), но ни одна из них не может претендовать на привилегированное положение; нельзя сказать, что в этом городе отмечается влияние только одной конкретной религии. Другой вопрос связан с границами этого влияния в принципе: в действительности

его нельзя четко определить, распространение той или иной религии может быть только декларировано.

Соответственно, объекты, организованные по непространственному принципу, очень мало зависят от физического изменения пространства, на которое они распространяют свое влияние. Однако изменение границ этого влияния, естественно, сказывается на самих территориях: так, христианские миссии имели значение для развития обществ Северной Америки, но сама католическая церковь не трансформировалась вследствие этого (хотя, надо думать, она усилила свою мощь за счет увеличения территории влияния).

Предположим, что определенные городские сообщества также могут существовать вне зависимости от того, какую территорию они охватывают и где живут их участники, особенно если они общаются исключительно «виртуально». Такие сообщества должна объединять идея (определенные интересы и ценности), связанная, как мы уже говорили выше, с городской средой. К подобным сообществам, вероятно, можно причислить правозащитное движение автомобилистов «Синие ведерки» и сходные с ними.

Однако появление новых способов коммуникации и увеличение мобильности еще не отменяет существования сообществ, объединенных по территориальному принципу. Правда, они кажутся во многом более уязвимыми в современном

городе. Исследователи пережившего реконструкцию парка «Царицыно» в Москве, например, пришли к следующим выводам: «реконструкция переменила не только архитектурный облик Царицыно, но радикально перекроила социальную карту этого пространства, — говоря языком городского физиолога, сменился “социальный тип” основного посетителя парка» [Абрамов, Фень, 2011]; сообщества, существовавшие в парке длительное время, разрушились. Социальные экосистемы крайне хрупки. Когда уничтожаются социопространственные места, система больше не может поддерживать себя. Таким образом, если пространство было замкнуто (overlocked), смена дизайна может создать большие проблемы.

Впрочем, некоторая сложность в сохранении сообществ, организованных по территориальному принципу, еще не означает, что люди не готовы преодолевать подобные препятствия ради поддержания высокого уровня сплоченности сообщества, понимая ценность достигаемых таким способом результатов. Человек может идентифицировать себя с определенным пространством, а нахождение в общем пространстве может послужить сближению людей и идентификации друг друга как принадлежащих к одному сообществу. Так, «...пространства, предназначенные для личных встреч, — отмечает З. Бауман, — <...> играют решающую роль в интеграции <...> элиты, несмотря на культурные, языковые, религиозные, идеологические или

любые другие различия, которые могут разделять ее и препятствовать развитию чувства общей принадлежности. На самом деле развитие взаимопонимания и общего жизненного опыта, необходимого для такого понимания, позволяют разобраться, отчего бизнесмены или ученые не перестают путешествовать, приезжать друг к другу и встречаться на конференциях» [Бауман, 2008: 50].

Современность необратимо повлияла на устройство городов и организацию городской жизни. Механизмы ассоциирования себя с городом и его жителями тоже претерпели изменения. В таком большом городе, как Москва, при описании естественных группировок сложно опираться лишь на принципы соседства и административного районирования. В то же время возникает вопрос о состоятельности территориального описания города и его сообществ как такового. Можно ли сейчас говорить о Москве как о локализованном объекте, имеющем свои пространственные границы?

Предлагаемый проект исследования направлен на прояснение связи между *территорией города и его жителями*. Комбинируя «территориальный» и «сетевой» подходы, мы предлагаем рассматривать в качестве основания для выделения потенциальных городских сообществ *места привязанности, принадлежность к которым раскрывается в сформировавшемся образе города, в ценностях и интересах его жителей*.

II. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ

Исследовательская проблема и перспективы решений

Приведенный выше краткий обзор основных идей позволяет сформулировать *исследовательскую проблему*: какой способ описания городских сообществ считать наиболее адекватным в ситуации роста мобильности и изменения территориальной принадлежности в современных больших городах? Делая нашу исследовательскую оптику чувствительной к пространству, мы можем придать определенные, коллективно и/или индивидуально мыслимые границы нашему объекту изучения (к примеру, «исследование городских сообществ Москвы»). Однако как можно описывать сообщества «территориально», если пространство зачастую подменяется (тематизируется, конструируется и т. д.) нелокализованными сетями отношений? В чем заключается баланс, включающий «территориальную» и «сетевую» логику описания?

Наше исследование, о методах которого будет подробнее рассказано далее, направлено на получение следующих прикладных результатов:

- карта мест повседневной активности, то есть зоны активного использования и реального доступа — та

территория, к которой человек и потенциальные сообщества ощущают свою принадлежность;

- карта мест конфликта и мест притяжения (солидарности).

Однако кроме таких «конкурентных» результатов наше исследование в перспективе способно послужить отправным пунктом к аналитическому (абстрактному) выделению на основе полученных карт местности потенциально возможных территориальных сообществ, внутренне связанных именно своим отношением к местам солидарности и конфликта, своей ценностно-символической базой. Вопрос о том, каким образом происходит переход от потенциальных сообществ к действительным (деятельным), остается открытым в нашем исследовании. Мы можем лишь вспомнить здесь высказывание Д. Харви, касающееся образа идеального города. Речь идет о том, что мы должны сначала вообразить свой город, а потом все вместе его сотворить: «мы поодиночке и сообщая в своей повседневной деятельности, предпринимаем политические, интеллектуальные и экономические усилия, строим город. Все мы, так или иначе, архитекторы нашего городского будущего. Право на изменение города — это не абстрактное право, а право, которое укоренено в повседневных практиках, независимо от того, знаем мы о его наличии или нет» [Харви, 2008: 82]. Воображение здесь неотделимо от практики. Мы делаем нечто под влиянием воображения —

или воображаем в процессе повседневной жизни, меняя что-то по своему вкусу. Возможно, в этом рассуждении кроется механизм превращения потенциальных сообществ в активных участников городской жизни, способных коллективно защищать свои интересы в сфере становления городской среды.

В перспективе мы можем также определить, почему для кого-то (в сообществе) район, соседство, своя «зона доступа» имеют одни границы, а для кого-то — другие. Есть ли какие-либо барьеры вхождения в то или иное пространство? Финансовые (недостаточно средств, чтоб посетить те или иные заведения, магазины и пр.), атмосферные (например, мигранты не посещают какие-то места в центре города, так как ощущают, что это не для них, не чувствуют себя там в безопасности), властные или онтологические (частная собственность может быть огорожена заборами или какие-то общественные дороги могут быть перекрыты, так как того пожелал владелец близлежащего предприятия, здания, хотя бы и не имея на это права)?

В качестве основного инструмента сбора данных мы используем ментальные карты. Ментальные карты помогают принимать различные управленческие решения в том или ином районе города. Так, мы получаем карту района, где видны места конфликта и места притяжения, места открытые и «не для всех», места безопасные и опасные, значимые и незначимые. К тому

же появляется возможность проанализировать, какие именно общности используют те или иные места и почему. Объединение людей может формироваться на основе местной истории и локально значимых территорий. Кристаллизация потенциального сообщества может наблюдаться, к примеру, в момент сплочения единомышленников, когда возникает угроза изменения значимой для них территории.

«Локальные», «внутригородские» и «городские» сообщества

Мы уже много раз использовали понятие «сообщество», но до сих пор так и не дали ему определения. В научном языке, и в социологии в частности, всегда есть ряд терминов, которые кажутся заведомо ясными и интуитивно понятными; к тому же они используются не только в научных дисциплинах, но и в повседневном языке. Например, слово «пространство» поймут все — однако проблема в том, что поймут совершенно по-разному. С «сообществом» происходит примерно то же. Кроме того, отдельные сложности привносит изучение сообществ именно в городах: существует достаточно тонкие терминологические различия между «локальными», «внутригородскими» и «городскими» сообществами. Мы кратко остановимся на этом пункте, чтобы максимально прояснить свою позицию, но в целом будем считать, что

подобными нюансами в дальнейшем можно пренебречь. Итак:

- понятие «локальные сообщества» не имеет однозначной привязки к городам, хотя может использоваться в том числе и при изучении сообществ, образованных в городах. На наш взгляд, в непереуказанном варианте термин *local communities* все же имеет больше политические, чем социологические коннотации (или, как минимум, широко используется именно в политической сфере, которой мы в нашем исследовании касаться не будем);
- понятие «внутригородские сообщества» указывает на то, что мы изучаем только города. Но и здесь мы сталкиваемся с рядом трудностей. Во-первых, остается нерешенной проблема с определением города и его границ. Во-вторых, такое словосочетание может быть неверно понято как при переводе на английский язык, так и теми, кто изучает именно сообщества внутренних городов, так как есть вероятность, что «внутригородские сообщества» — это не вполне верное употребление термина «сообщества внутренних городов» (*inner cities communities*);
- понятие «городские сообщества» (*urban communities*) позволяет придерживаться городского контекста исследования, не привнося при этом нежелательных дополнительных

коннотаций (будь то политика или внутренние города). Это понятие будет использоваться в качестве основного в нашем исследовании.

Потенциальные городские сообщества: территория и сети

Как уже было отмечено, мы опираемся на различие «территориальных» и «сетевых» городских сообществ. Наша концептуализация будет максимально широкой, так как в процессе исследования мы хотим выяснить, существуют ли подобные сообщества и какими характеристиками они могут обладать, — поэтому в основном мы будем говорить лишь о потенциальных сообществах. *Потенциальные сообщества, выделяемые по территориальному принципу, — это группы горожан, объединенных совместной территорией проживания и/или зоной повседневной активности. Потенциальные сообщества, выделяемые по сетевому принципу, — это группы людей, которые не обязательно являются жителями города на данный момент, но объединены определенными интересами и ценностями, связанными с городской средой, ее объектами и территориями.*

Ограничения изучения сообществ

При изучении сообществ исследователи сталкиваются с определенными проблемами. По мнению В. Вахштайна, есть как

минимум четыре серьезных ограничения [Вахштайн, 2011: 77–79], которые мы постараемся учесть в своем исследовании:

- не утверждать, что сообщество существует, не доказав предварительно этот факт. В связи с этим ограничением в большинстве случаев мы будем говорить лишь о потенциальных сообществах;
- не приписывать «найденному» сообществу некие характеристики, которые не подтверждены нашими исследованиями;
- стремиться к территориальному описанию (в рамках определенной территории) сообщества. Впрочем, это ограничение как раз и выступает предметом наших размышлений и изучения;
- не переносить результаты и характеристики, полученные в рамках изучения определенного сообщества, на все общество в целом.

Пространственно-сетевой (гибридный) подход описания городских сообществ

В рамках нашего исследования мы предлагаем придерживаться баланса между «территориальным» и «сетевым» описаниями сообществ в пределах города. Баланс заключается в специфическом комбинировании особенностей того и другого

подхода. Если территориальный подход сосредоточивается на консолидирующем воздействии мест проживания и активности, то сетевой подход — на разделяемых интересах и ценностях. При этом первый подразумевает общность опыта и переживаний лишь по факту соседства (который в больших городах, по мнению Г. Зиммеля, может иметь обратный эффект), в то время как второй размывает границы сообщества, исключая его привязку к любым территориальным образованиям.

Предлагается использовать гибридный подход описания. Его логика восходит к работам Эдварда Сойи, касающимся значения пространственного фактора в современных условиях коммуникации и мобильности. Сойя отмечает, что, казалось бы, убедительные аргументы по поводу «конца географии», «отсутствующей (*nowhere*) географии» и кризиса чувства места получают в ответ новые формы пространственно обусловленной организации социальной жизни. «Объединение и создание узловых точек представляет собой фундаментальный и стратегический ответ на вызовы расстояния...» [Сойя, 2008: 130–140]. Аналогию с «узловыми точками» мы находим у Кевина Линча в сюжете, посвященном местам общей значимости и интересов.

Вслед за Э. Сойей и К. Линчем мы предлагаем сфокусироваться на воображаемом, которое вбирает в себя территориальное описание (так как воображается собственно сам город и его территория)

и сетевое описание (так как в процессе рассказа о городе тематизируются ценности и интересы). «Городское воображаемое <...> относится к нашему ментальному и когнитивному картографированию (топологии) городской реальности и интерпретативных координатных сетей, согласно которым мы мыслим о чем-либо, знаем по

опыту, оцениваем и решаемся на действие в местах, пространствах и коммуникациях, в которых мы живем» [Сойя, 2003: 133–150].

В результате гибридный подход описания сообществ (рис. 1) учитывает воображаемое 1) лишь жителей города, делая при этом акцент 2) не на местах проживания, а 3) на местах общих ценностей и интересов.

Рис. 1.

III. ОПИСАНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологические основания изучения воображаемого

В середине прошлого века Кевин Линч и его коллеги провели исследование, которое легло в основу книги «Образ города». Задача состояла в том, чтобы четко очертить образы трех американских городов и доказать, что читаемость образа — главный атрибут хорошо спланированного города. Методика, среди прочего, предполагала анализ интервью (кабинетных и во время прогулок по определенным маршрутам) и анализ нарисованных респондентами планов города [Линч, 1982: 113–115]. Исследование вызывает интерес до сих пор. Действительно, образ города — любопытный концепт. Являясь частью символической системы горожан, он может быть рассмотрен как фактор формирования личной и коллективной идентичности, а как отмечает Д. Торнс, на исследования городской жизни в конце XX — начале XXI вв. в наибольшей степени повлияли те работы, где особое внимание уделялось подъему идентичности, поскольку он, среди прочего, позволяет понять, как формируется социальная жизнь [THORNS, 2002: 96].

Д. Торнс, говоря о книге К. Линча, писал: «...эта работа показывает, что люди

обладают знаниями о том, где живут им подобные — те, с кем они хотят себя ассоциировать. Ментальные карты довольно часто отличаются от физических карт города, и в некоторых аспектах они индивидуальны для каждого жителя. Здесь требуется анализ, показывающий, насколько перекрываются образы города в сознании людей и сети их социальных взаимоотношений» [THORNS, 2002: 111].

Визуальный образ города, полученный в результате анализа нарисованных карт, в первую очередь связан с настоящим, с повседневными практиками. Так, на планах зачастую оказываются небольшие магазины, школы и пометки «мой дом». Конечно, визуальный образ города для каждого свой — он неизменно содержит отсылки к личным историям и воспоминаниям, — и тем не менее образ всего города, как считает К. Линч, создается из повторяющихся частей индивидуальных образов. Как пишет Линч, «в жизни чувств, порождаемых повседневностью, исторические памятники занимают крайне скромное место. Гораздо более сильные эмоции связаны с нашей собственной жизнью, с жизнями членов семьи и друзей, поскольку их мы знаем персонально. Поэтому наиболее существенным напоминанием о прошлом служит то, что непосредственно связано с нашим детством, с жизнью родителей и, может быть, дедов. <...> Большая часть того, что сохраняется как классическое наследие прошлого, задевает людей лишь на минуту и оказыва-

ется на периферии внимания, удаленной от жизненно важных переживаний. Это и древнее, и безличное. То, что продолжается в сегодняшний день, эмоционально более значимо, чем давнее прошлое, хотя оно может казаться благороднее, таинственнее или загадочнее» [Линч, 1982: 161]. Поэтому «мы подсознательно стремимся к сохранению недавнего и “относительно недавнего” прошлого — того времени, с которым мы ощущаем реальную связь» [Линч, 1982: 162].

Ментальное картографирование

Основным методом нашего исследования выступает ментальное картографирование. В ходе интервью (гайд-интервью — см. Приложение 1) информанту предлагается перенести на чистый лист бумаги свое видение города, рассказать о тех местах в городе (и указать их на своей карте), с которыми он/она лично связан(а) в силу определенных эмоций, фактического знания, воспоминаний, активности и интересов.

Если брать такие мегаполисы, как Москва, то рассказать обо всем городе очень сложно. Поэтому показалось уместным использовать тематическую разбивку интервью на три блока: «район проживания», «район занятости», «район проведения досуга». Предложенная разбивка берет свое основание в теории «третьих мест», носит условный характер и имеет цель лишь упорядочить рассказ жителя о городе, а не на-

вязать информанту логику исследователя.

В ходе интервью исследователь задает уточняющие вопросы, касающиеся отображаемых мест и объектов, проясняя содержание связи между местом и информантом (тематизируемые ценности и интересы), а также относительно точное расположение места по отношению к другим. Попутно исследователь составляет список упомянутых мест в порядке их возникновения.

Первичная обработка данных заключается в составлении таблицы (см. Приложение 2), в строках которой представлен список упомянутых информантом мест, а в столбцах отражена содержательная связь между информантом и местом. На пересечении места и связи сначала прописывается подробный комментарий информанта по поводу данного места, после чего на последующих этапах обработки после составления единой типологии связи указывается лишь 0, когда данная связь с местом отсутствует, или 1 — когда связь есть. Столь абстрактный уровень описания (возможно, чересчур жесткий для таких «качественных» данных) необходим для дальнейшего топологического рассмотрения получившейся структуры того или иного сообщества, о чем пойдет речь ниже.

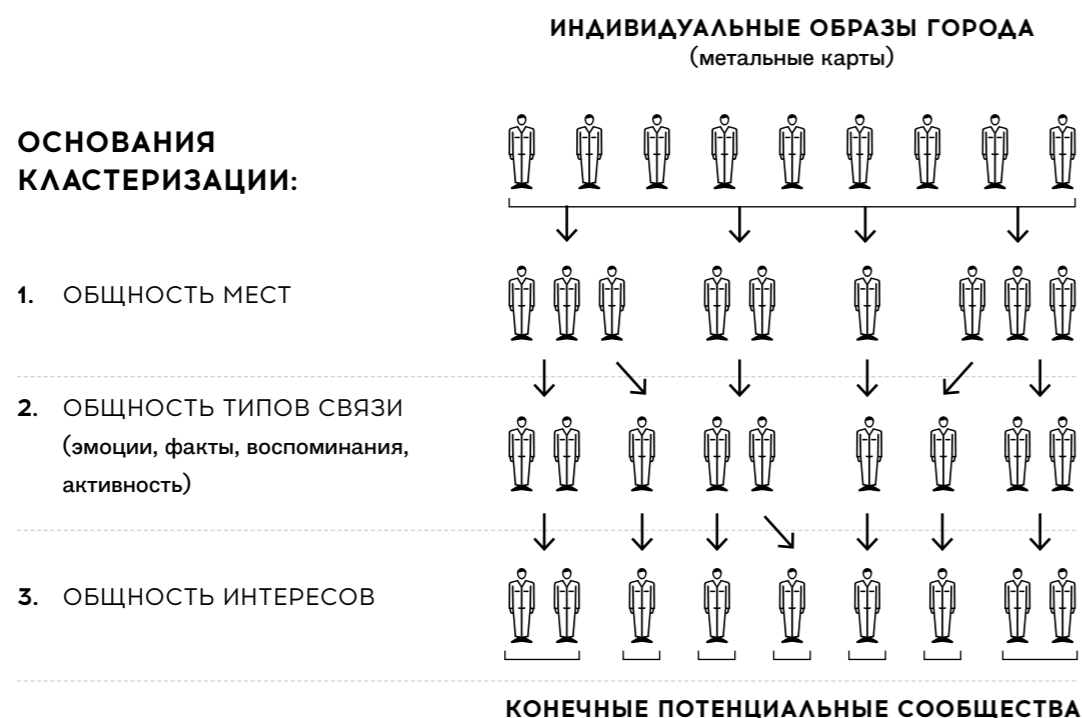
Теперь перейдем к описанию процедуры кластеризации информантов на основании составленных ими индивидуальных образов города. Места, которые упомянул информант в ходе интервью, наносятся

на географическую карту. Прежде всего нас интересуют общности людей, которые рассказали об одних и тех же местах. Затем мы обращаемся к интерпретативным таблицам (пример в Приложении 2), в которых содержатся сведения, касающиеся типа связи между человеком и местом. После этого люди группируются именно по общности типов связи с одинаковыми местами. Несмотря на схожее отношение к месту и привязанность, индивидуальные

интересы жителей города в части возможных сценариев развития территории могут различаться. Поэтому последнюю группировку предлагается выполнить на основании общности интересов, связанных с одними и теми же местами, причем под интересами мы понимаем конкретные предложения (видения) по изменению (сохранению) городской среды. Обобщенно алгоритм кластеризации выглядит так, как показано на рис. 2.

Рис. 2.

АЛГОРИТМ КЛАСТЕРИЗАЦИИ ИНФОРМАНТОВ
ДЛЯ ВЫДЕЛЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

Теперь подробно опишем каждый этап кластеризации. Общность мест может быть обнаружена путем присвоения каждому месту уникального кода и поиска совпадений таких кодов, встречающихся у разных информантов. Такая общность будет представлена гораздо нагляднее, если расположить все места с ментальных карт на географической карте города, пометив их разными цветами (каждый цвет соответствует конкретному информанту). После обнаруже-

ния совпадений в списках мест необходимо оценить долю совпадений по отношению ко всем упомянутым местам. Для этого мы строим таблицу, где в строках и столбцах указаны все информанты, а на пересечении — количество совпадений мест. Но нас будут интересовать не абсолютные показатели, а относительные, поэтому обращаем внимание на процентную долю совпадений от суммы всех мест пересечения у каждого информанта индивидуально и попарно (табл. 1).

Таблица 1.

КОЛИЧЕСТВО МЕСТ СОВПАДЕНИЙ

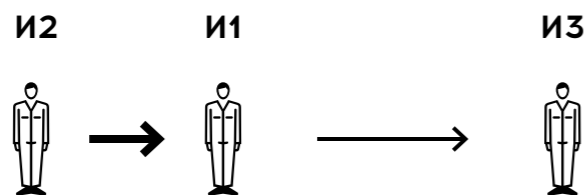
	Информант 1	Информант 2	Информант 3	...
Информант 1	X	10 (71,4%)	7 (63,6%)	
Информант 2	10 (58,8%)	X	4 (36,4%)	
Информант 3	7 (41,2%)	4 (28,6%)	X	
...				X
Сумма	17	14	11	

На основании цифр, предложенных в нашем примере, по результатам первого этапа

кластеризации можно выделить следующую структуру общности информантов (рис. 3).

Рис. 3.

РЕЗУЛЬТАТ ПЕРВОГО ЭТАПА КЛАСТЕРИЗАЦИИ
(общность мест)

Затем мы переходим ко второму этапу кластеризации по основанию общности типов связи. Здесь нам необходимо произвести обобщенную оценку степени совпадения привязанности информантов к одним и тем же местам. Для этого мы обращаемся к таблицам, где аналитически (или подробно) указаны типы связи информанта 1 и информанта 2 с местами пересечения описания. После этого степень совпадения типов связи характеризуется порядковой шкалой, где «1» — конфликт описаний, «2» — нейтральность описаний, «3» — неполное соответствие описания, «4» — полное соответствие описаний. Чтобы не допустить смещений в пользу большего (меньшего) количества мест пересечения (которые не всегда говорят о единодушном отношении к ним разных информантов), полученные баллы следует нормализовать на первоначальное количество совпадений

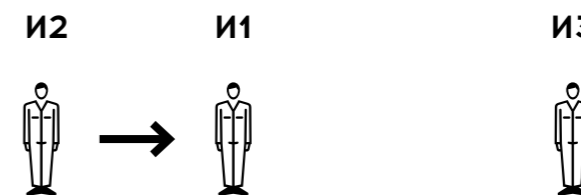
мест. В результате мы получаем следующее (табл. 2).

Первоначальное количество совпадений мест у информанта 1 и информанта 2 равнялось 10; это означает, что оценка степени привязанности по предложенной шкале может варьироваться от 10 баллов до 40 баллов. В нашем примере это 35 баллов; если нормализовать их на количество мест пересечений (10 мест), это в среднем соответствует 3,5 баллам по каждому месту.

На базе нашего примера мы можем вывести следующие результаты кластеризации второго этапа (общности типов связи). Связь между информантом 1 (И1) и информантом 2 (И2) крепнет: у них не только большое количество мест пересечений, но и высокая степень солидарности по типам связи с этими местами. Связь между И2 и И3, напротив, слаба: у них мало мест пересечения, а по имеющим-

Рис. 4.

РЕЗУЛЬТАТ ВТОРОГО ЭТАПА КЛАСТЕРИЗАЦИИ
(общность типов связи)

ся отмечается либо конфликт, либо нейтральность описаний. В то же время связь между И1 и И3 ослабла: несмотря на сравнительно высокую долю мест пересечения,

отношения к ним, скорее, описываются как нейтральные, что дает основание рассматривать И1 и И3 как отдельные группы (рис. 4).

Таблица 2.

ОЦЕНКА ТИПОВ СВЯЗИ В МЕСТАХ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ
ПО БАЛЛАМ ПОРЯДКОВОЙ ШКАЛЫ
vw («1» — конфликт, «4» — солидарность)

	Информант 1	Информант 2	Информант 3	...
Информант 1	X	35 (3,5)	17 (2,4)	
Информант 2	35 (3,5 баллов на место)	X	6 (1,5)	
Информант 3	17 (2,4)	6 (1,5)	X	
...				X

В заключение кластеризации мы переходим к ее третьему этапу — общности интересов. Для этого необходимо рассмотреть предложения каждого информанта по конкретному месту пересечения описаний и сделать оценку совместимости таких предложений между парами информантов. Ситуация вокруг предложений по развитию (сохранению) сложившейся городской среды в тех или иных местах города обычно складывается неконструктивная, то есть информант зачастую теряется, когда его спрашивают, что бы он хотел сделать с данным местом. В связи с этим оценка совместимости интересов не требует столь сложного шкалирования и нормировки; достаточно лишь сравнить содержание и модальность имеющихся предложений. Допустим, в нашем примере И1 и И2 упомянули (помимо прочего) один и тот же парк в своем городе, к которому они испытывают схожую привязанность. Тем не менее, если И1 предлагает установить в парке развлекательные аттракционы, а И2 — восстановить когда-то стоявшую здесь церковь, очевидно, что наблюдается конфликт интересов, и наших информантов следует развести по разным группам.

Группировки, получившиеся в результате трех этапов кластеризации, мы и будем рассматривать в качестве потенциальных сообществ, которые затем предстоит описать с точки зрения 1) социально-демографических характеристик (пол, возраст, продолжительность проживания и т. п.),

2) мест проживания, 3) мест общих привязанностей и интересов, 4) взаимосвязи с другими сообществами в городе, основанной на сходном отношении к одним и тем же местам.

Общественное картографирование

В рамках последующего этапа исследования предлагается обратиться к методу общественного («партиципаторного») картографирования, который особенно интересен в контексте п. 4 описания полученных потенциальных сообществ («взаимосвязи с другими сообществами...»).

Как мы говорили выше, существует много подходов к изучению города и городских сообществ, однако, по словам М. С. Добряковой, «характерно, что ни один из авторов исследований, за исключением, пожалуй, Р. Парка и Э. Берджесса, в меньшей степени Уорнера, не занимался разработкой методологических оснований своей деятельности. Как правило, авторы ограничивались обоснованием выбора объекта и перечислением техник исследования» [Добрякова]. На наш взгляд, применение графических методов для изучения городских сообществ оправданно. В современных исследованиях последних лет «общественные карты», «партиципаторное картографирование» рассматриваются не только как метод изучения, но и как средство объединения горожан, сообщества, как

средство развития города. Это путь демократизации самой информации о городе и городской среде, упрощение доступа к ней.

В качестве примера мы можем привести краткий анализ статьи Франца Фахи и Михаэля О. Синнеида «Реконструкция городского ландшафта с помощью общественных карт: привлекательная перспектива для стабильности?» [FAHY, SINNEIDE, 2009: 167–175]. Статья посвящена кейсу создания общественной карты (community mapping) в ирландском городе Гелвей. Разработка подобных карт — относительно новая практика, но она уже хорошо себя зарекомендовала. С появлением новых технических средств (таких как Google Earth, например) методики работы с картой становятся все более популярными. В итоге на карте обозначаются культурные и религиозные места, места прогулок, социальные места и пр. Существенно, что карта выкладывается в Интернет (в рассматриваемом случае — на сайт www.galwaygreenmap.ie), поэтому посетители сайта смогли увидеть результат и принять участие в доработке. После первых результатов опять прошли обсуждения; важно, что при этом учитывался и принятый план развития города, то есть инициативы «снизу» были согласованы с реальными возможностями. Конечно, у такого подхода есть ограничения (по возрасту участников обсуждения, их доступу к высоким технологиям, социальной обеспеченности...), но авторы понимают это и продолжают работать над имеющимися проблемами.

В результате использования общественного картографирования мы бы хотели не только получить некую обратную реакцию на промежуточные результаты для последующей их корректировки, но и проследить динамику группового взаимодействия представителей разных сообществ в том, что касается их представлений о городе, видения путей его развития.

К сожалению, в исследованиях с общественным картографированием не приводятся конкретные процедуры по его реализации, поэтому здесь сложно говорить о полноценных попытках методологической преемственности. В нашем случае данная процедура в обобщенном виде напоминает воркшоп (круглый стол), в рамках которого участникам (представителям разных «потенциальных сообществ») поэтапно предлагаются карты и содержательные характеристики мест. Результаты преподносятся друг за другом, по сути, дублируя структуру данных, собираемых в ходе ментального картографирования. Сначала на обсуждение выносятся те характеристики выявленных сообществ, которые были сформулированы при описании общности мест, затем — при описании общности типа связи и в последнюю очередь — общности интересов. В заключение вносятся уточнения в комплексные содержательные портреты сообществ (необязательно всех, но, по крайней мере, тех, которые сопричастны участникам конкретного воркшопа). Уточнения производятся по параметрам,

схожим с уже обозначенными четырьмя: по социально-демографическим характеристикам, местам проживания, местам общих привязанностей и интересов, по взаимосвязи с другими сообществами. По окончании воркшопа предоставляется доступ к онлайн-версии карты с возможностью по заданному шаблону вносить свои замечания касательно мест, их описания и характеристик сообществ.

Причины множественности интерпретаций пространства

Одна из причин, по которой одни места становятся на наших картах местами солидарности, а другие места — местами конфликта, заключается в том, что восприятие пространства во многом зависит от наблюдателя, хотя, конечно, большую роль играют и объективные физические характеристики. Д. Харви, анализируя рассуждения В. Беньямина, пишет, «что мы не просто живем в материальном мире, но наше воображение, наши мечты, наши концепции и наши репрезентации сильно опосредуют материальность» [Harvey, 2003: 18, 19]. Наверное, этот подход допускает определенное кантовское прочтение: окончательная картина того, что видит человек, формируется в его голове. Как пишет Т. Гьерин, «место во вселенной с собранным там физическим материалом становится местом только тогда, когда оно скрывает (ensconces) историю

или утопию, опасность или безопасность, идентичность или память. Несмотря на его относительно постоянную и внушительную материальность, значение или ценность одного и того же места неустойчиво гибко в руках различных людей или культур, покорно времени и неизбежно оспариваемо» [GIERYN, 2000: 465].

Различные интерпретации — это, в числе прочего, различные мнения об одном и том же пространстве, так как часто оно существует среди разных культур и не один исторический период. Зачастую люди не могут прийти к единой трактовке даже одного исторического события; тем более возникают множественные интерпретации, если пространство ассоциируется с несколькими из них. С. Лоу с коллегами, например, называет подобные ситуации «диссонансом наследия», однако отмечает, что чаще всего доминирующей все же становится ассоциация, принятая в доминирующей культуре данного пространства [Low et al., 2005: 13].

Таким образом, пространство в потенциале предполагает множество интерпретаций и, соответственно, несет в себе не один образ места. Выбор зависит уже от конкретного наблюдателя — от того, турист он или местный житель, от его знаний, опыта и взглядов. Однако, по мнению С. Пайла, дело может быть в том, что люди просто привыкли к таким противоречиям и не воспринимают часть заложенных образов. Например, он характеризует Трафаль-

гарскую площадь как «перенасыщенную смыслами» (*overdetermined*). «Антивоенные протесты, проходящие там, где высятся статуи героев имперских войн, — это загадка. Как два противоречащих влияния и смысла — мир и война, империализм и радикализм — могут занимать одно и то же пространство? Возможно, постольку, поскольку мы привыкли к этим парадоксам пространственной работы (space-work), «да/нет» реальность» города — средоточия контрастов — теряет свое влияние, и люди могут больше не видеть сны, воплощенные в кирпичах и бетоне, в монументах и на открытых пространствах» [Pile, 2005: 52]. Именно такое различие восприятий придает смысл нашим картам и предложенным методам их использования и анализа.

IV. ОПИСАНИЕ ЭМПИРИЧЕСКОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В этом разделе мы рассмотрим ключевые аспекты нашего исследования и выскажем свои соображения по поводу возможных стратегий построения выборки.

Цель исследования — обеспечить пространственное и сущностное описание сообществ Москвы, соответствующее современным условиям жизни в больших городах, связанных с возросшей мобильностью, распространенностью коммуникаций и трансформацией территориальной привязанности.

Объект — потенциальные городские сообщества Москвы.

Предмет — пространственные границы, территориальная привязанность, ценности и интересы сообществ, связанные с городской средой.

Задачи (для анализа полученного эмпирического материала):

- провести кластеризацию информантов по трем этапам: «общности мест», «общности типов связи» и «общности интересов»;
- описать выделенные потенциальные сообщества с точки зрения социально-демографических характеристик, мест проживания, мест общей привязанности/конфликта и интересов, а также взаимосвязи с другими сообществами в городе, основанной на сходном отношении к одним и тем же местам;
- тематизировать полученные результаты кластеризации и описаний в ходе дискуссии и общественного картографирования пространства Москвы с представителями потенциальных сообществ.

Для реализации исследования можно предложить две стратегии построения выборки. Одну стратегию мы условно назовем количественной, а другую — качественной.

Первая ориентирует нас на увеличение количества проинтервьюированных информантов и на стремление к представленности каждого округа города (же-

лательно — района: как минимум 125 информантов, по одному из каждого района Москвы). С одной стороны, такая стратегия позволит сформировать комплексное описание города и группировок, возможных в отношении его пространств. С другой стороны, не вполне ясно, как обосновать выбор конкретного информанта от района (округа), если пренебречь половозрастным распределением, — а если нет, то насколько следует увеличивать конечное число информантов, с которыми требуется провести интервью столь непростого формата?

Вторая стратегия, в свою очередь, больше напоминает детектив или распутывание клубка отношений людей и мест. Сначала необходимо выбрать место в городе — Место с большой буквы, которое считается знаковым для Москвы в целом (допустим, ЦПКиО им. Горького). В таком месте осуществляется первичный отбор информантов. В ходе интервью на этой стадии формируется список других «знаковых» мест, которые также становятся площадкой для «вербовки» новых информантов. Мы рассчитываем, что тем самым мы обеспечим диверсифицированную подборку мест в Москве и соответствующих им информантов. Преимущество такого подхода заключается в снижении конечного числа опрошенных при условии сохранения взвешенного (несмещенного) описания города в целом с точки зрения мест. Очевидный недостаток «качественной» стратегии заключается в возможной «трагедии перво-

го шага», связанной с детерминирующим влиянием первоначального выбора места на последующие отсылки к другим местам. Взвесив все «за» и «против», административные и финансовые ограничения исследовательского проекта, необходимо принять решение в пользу одной из предложенных стратегий.

V. ОПИСАНИЕ ЭТАПОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В этом разделе мы бы хотели конкретизировать связь между обозначенными выше задачами, методами и временными периодами их реализации (табл. 3).

Таблица 3.

ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ И ВРЕМЕННЫЕ ПЕРИОДЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

ЗАДАЧИ	МЕТОДЫ	КОНКРЕТНЫЕ МЕРЫ	ВРЕМЕННЫЕ ПЕРИОДЫ
Провести кластеризацию информантов по трем этапам: «общности мест», «общности типов связи» и «общности интересов»	Интервью с использованием ментального картографирования	Отбор информантов	0,5 месяца (2 недели)
		Сбор данных. Проведение интервью	2 месяца
		Первичная обработка данных	0,5 месяца (2 недели)
		Анализ данных. Кластеризация	0,25 месяца (1 неделя)
		Анализ данных. Описательные характеристики выделенных потенциальных сообществ	0,25 месяца (1 неделя)
Описать выделенные потенциальные сообщества с точки зрения социально-демографических характеристик, мест проживания, мест общей привязанности и интересов, а также взаимосвязи с другими сообществами в городе, основанной на сходном отношении к одним и тем же местам	Воркшопы (круглые столы) с представителями потенциальных сообществ, в рамках которых используется общественное картографирование	Подготовка отчета с промежуточными результатами исследования	0,5 месяца (2 недели)
Тематизировать полученные результаты кластеризации и описаний в ходе дискуссии и общественного картографирования пространства Москвы с представителями потенциальных сообществ		Отбор представителей потенциальных сообществ	0,25 месяца (1 неделя)
		Проведение серии воркшопов (круглых столов)	0,25 месяца (1 неделя)
	Подготовка финального отчета и иллюстративных материалов (карт сообществ) по результатам воркшопов	0,5 месяца (2 недели)	

**ИТОГО:
5 месяцев**

БИБЛИОГРАФИЯ

1. АБРАМОВ Р., ФЕНЬ Е. *Шахматисты на аллеях парка // Неприкосновенный запас.* № 1 (75). 2011 // URL: [HTTP://MAGAZINES.RUSS.RU/NZ/2011/1/AB25.HTML]. Проверено: 22.03.2014.
2. БАУМАН З. *Город страхов, город надежд.* // Логос. № 3 (66). 2008. С. 50.
3. ВАХШТАЙН В. *Производство сообществ: событие, язык, коммуникация // 60 параллель.* № 2. 2011. С. 72–85.
4. ВИРТ Л. *Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии.* — М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 93–118.
5. ДОБРЯКОВА М. С. *Исследования локальных сообществ в социологической традиции. Подходы к изучению локального сообщества // URL: [HTTP://WWW.SOCPROB.RU/INDEX.PHP?OPTION=COM_CONTENT&VIEW=ARTICLE&ID=864:2012-03-29-17-01-23&CATID=89:2012-03-29-16-27-50].* Проверено: 22.03.2014.
6. ЗИММЕЛЬ Г. *Большие города и духовная жизнь // Логос.* № 3 (34). 2002. С. 23–34.
7. ЛИНЧ К. *Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева.* М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
8. СОЙЯ Э. *Как писать о городе с точки зрения пространства? / Пер. А. Смирнова // Логос.* № 3 (66). 2008. С. 130–140.
9. СОЙЯ Э. *Постметрополис. Критические исследования городов и регионов / Пер. А. Резниченко // Логос.* № 6 (40). 2003. С. 133–150.
10. ТЕННИС Ф. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Складнева.* СПб.: Владимир Даль, 2002. 444 с.
11. ФИЛИППОВ А. Ф. *Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса / Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Складнева.* СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 386–446
12. ФИЛИППОВ А. Ф. *Социология пространства.* СПб.: Владимир Даль, 2008. 285 с.
13. ФИЛИППОВ А. Ф. *Смысл империи: к социологии политического пространства / Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 3. Россия как идея.* Ред.-сост. С. Б. Чернышев. М.: Аргус, 1995. С. 421–476.

14. ХАРВИ Д. *Право на город / Пер. с англ. А. Смирнова // Логос.* № 3 (66). 2008. С. 80–94.
15. ХАРЛАМОВ Н. *О книге Э. Амина и Н. Трифта «Города: переосмысливая городское» // Социальная реальность.* № 1. 2008. С. 117–123.
16. CARMONA M. *Contemporary Public Space: Critique and Classification, Part One: Critique // Journal of Urban Design.* Routledge, 2010. Vol. 15. No. 1. Pp. 123–148.
17. FANU F., CINNEIDE M. Ó. *Re-Constructing the Urban Landscape through Community Mapping: An Attractive Prospect for Sustainability? // Area.* Vol. 41 (2). 2009. Pp. 167–175.
18. GALLEN T N. *Second Homes, Community and a Hierarchy of Dwelling // Area.* Vol. 39. No. 1. 2007. Pp. 97–106.
19. GIERYN THOMAS F. *A space for place in sociology // Annual Review of Sociology.* Vol. 26. 2000. Pp. 463–496.
20. GUSTAFSON P. *Mobility and Territorial Belonging // Environment and Behavior.* Vol. 41. No. 4. 2009. Pp. 490–508.
21. HARVEY D. *Paris, capital of modernity. New York and London: Routledge,* 2003. 377 p.
22. JENKS M., DEMPSEY N. *Defining the Neighbourhood: Challenges for Empirical Research // The Town Planning Review.* Vol. 78. No. 2. 2007. Pp. 153–177.
23. LECHNER FRANK J. *Simmel on Social Space // Theory, Culture, and Society.* Vol. 8. No. 3. 1991. P. 195–201.
24. LOW S., TAPLIN D., SCHELD S. *Rethinking urban parks: public space and cultural diversity.* Austin: The University of Texas press, 2005. 240 p.
25. PILE S. *Real Cities. Modernity, Space and the Phantasmagorias of City Life.* Sage Publications, 2005. 216 p.
26. SIMMEL G. *Sociology: inquiries into the construction of social forms / translated and edited by Anthony J. Blasi, Anton K. Jacobs, Mathew Kanjirathinkal; with an introduction by J. Horst.* Leiden-Boston: Brill, 2009. 445 p.
27. THORNS D. C. *The transformation of cities.* New York Palgrave Macmillan, 2002. 258 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1.
Гайд для интервью «Образ Москвы в представлениях жителей города»

Здравствуй!

Мы проводим исследование, посвященное восприятию городского пространства жителями Москвы. Нас интересуют горожане, которые занимают активную позицию по отношению к своему городу. Собранные материалы будут использоваться исключительно в исследовательских целях и обрабатываться в обобщенном виде, что гарантирует их анонимность.

Где вы на данный момент проживаете? Как давно? Где и как долго жили до этого?

Что для вас Москва в целом? Какие ассоциации у вас появляются в связи с городом?

Нарисуйте, пожалуйста, карту Москвы. При этом постарайтесь вспомнить и указать на карте места, с которыми вас связывают истории, воспоминания, чувства, деятельность и личные интересы. *

* По мере выполнения задания исследователь уточняет у информанта, что это за места, где они находятся, в связи с чем информант их упоминает.

При необходимости исследователь предлагает информанту для начала поговорить о районе Москвы, где тот проживает («район проживания»), затем о районе, где проходит основная трудовая активность информанта («район занятости»), в завершение — о районе, где информант любит проводить свободное время («район проведения досуга»).

Приложение 2.
Таблица первичной обработки данных

Таблица 4.

ПРИМЕР ОБРАБОТКИ ДАННЫХ ПО МЕНТАЛЬНОМУ КАРТОГРАФИРОВАНИЮ ИНФОРМАНТА

Тип связи ----- Места	Эмоции		Знание	Воспоминания	Активности	Интересы
	эмоция 1	эмоция 2	факт 1	воспоминание 1	активность 1	интерес 1
Место 1	1	0	1	0	1	0
Место 2	1	1	0	0	1	1
Место 3	0	1	1	1	0	0
...						